

БЕДНАЯ ТОНЬЕТТА

I

Старый Канталупи как следует выпил, всю дорогу он свистел и хлопал в ладоши. А когда шествие поднялось на холм Кольбассо и остановилось перед усадьбой новобрачных, он воскликнул:

— Ну, детки, ложитесь спать! Эту землю обрабатывал мой дед, пусть ее обрабатывает и внук мой!

Он велел дочери принести стакан вина, поцеловал ее и зятя и отправился восвояси. Несколько стариков последовало его примеру, но молодежь требовала еще вина и чтобы все гости, во главе с дудочниками, обошли вокруг дома. Девушки заглядывали в спальню молодых и подталкивали друг друга. Одна бросила на постель цветок, за ней другая, и наконец они стали срывать все, что росло возле дома, и кидать в окно. Молодой супруг подошел к ним и спросил, почему они кричат и смеются, но они ответили: «Да просто так!»— и он вернулся к мужчинам.

Те как раз послали молодую за новой фьяской и теперь смеялись и прохаживались на ее счет. Муж услышал, как Карлино из Монтемурло говорил приятелю:

— Пусть тащит все, что есть! У нее должны водиться денежки, Танкреди щедрый любовник. От него ни одна не уходит с пустыми руками.

Маттео бросился было на Карлино, но вовремя спохватился — ведь тогда все узнают, а сегодня его брачная ночь. Он только впился зубами в свой стиснутый кулак и спрятался за сарай. «Лишь бы они ушли,— думал

он, спускаясь вниз по луговине и пошатываясь от боли,— а там уж мы с Тоньеттой сведем счеты».

Задыхаясь от гнева, он бросился на землю и прошептал:

— А может быть, Карлино лжет?

Но потом ему снова показалось, что это правда, и он зарыдал, закрыв лицо руками.

«Значит, пока я все эти долгие годы солдатской службы писал ей такие письма, она путалась с Танкреди!»

Когда Маттео, наконец, возвращался обратно, голова его была опущена на грудь, кулаки сжаты. Но, подойдя к изгороди, он поднял глаза, сразу же отступил назад и схватился за сердце.

Перед образом мадонны в стенной нише стояла на коленях Тоньетта. Тонкий луч месяца, еще прятавшегося в глубине за оливами, освещал ее, дробясь на ее волосах серебряной пылью. А над ней, в фиолетовой звездной бездне, царила такая тишина, точно небо внимало ей одной. Маттео как стоял, так и опустился на колени. Но вот Тоньетта поднялась, она увидела его, и они пошли друг другу навстречу.

— Все давно ушли,— сказала Тоньетта.— Я ждала тебя.

— А ты не вспоминаешь о том, кого здесь нет? — спросил он, подавшись вперед.

Она запрокинула голову.

— Разве ты не со мной, Маттео?

Тогда он вздрогнул и, закрыв глаза, привлек ее к себе. Так обошли они вокруг дома. Откуда-то совсем издалека, вероятно уже где-то у виллы Котанья, еще раз донеслось пение дудок.

— Мы совсем одни! — сказала Тоньетта.— Возможно ли, чтобы так бывало и с другими?

Маттео страстно раскрыл объятия.

— Если бы это было всегда!

— Если бы это было всегда! — повторила Тоньетта.

Разве она знала, о чем он думал? Что завтра, когда он призовет к ответу Танкреди, все, может быть, будет кончено?

— Потому что мы счастливы,— сказала она.

— Да, счастливы! — Он обнял ее.

— Как пахнет, милый! Это из нашей комнаты. О, посмотри, сколько цветов! Вся наша постель в цветах!

— Это девушки! — воскликнул он. — Они насмехались надо мной.

— Почему насмехались? Они хотели нас порадовать. Но цветы нужно убрать из комнаты, не то мы задохнемся.

— А что, если б нам умереть? Может быть, это было бы лучше!

— Почему? Ведь мы так счастливы!

— Счастье недолговечно, Тоньетта! Так счастливы, как в эту ночь, мы, может быть, уже никогда не будем. Могла бы ты умереть со мной?

Прильнув к его груди, она закрыла глаза.

— С тобой я могла бы и умереть, Маттео!

Тогда он глубоко вздохнул и поднял глаза ввысь. У него было такое чувство, словно он достает до самого неба, как вон тот кипарис, своей верхушкой касающийся звезды.

Рука об руку, прижавшись друг к другу, они вошли в дом. Но когда они снова появились в дверях, Маттео тащил ее за собой, а она кричала:

— Сжался! Ты с ума сошел! — Перед образом мадонны она снова обрела силы и, вырвавшись, пала перед ней на колени. Ее простертые вверх руки судорожно извивались, словно она вила веревку. — О мадонна! — кричала она. — Моя мадонна! Ведь и ты женщина, ты знаешь, что я невинна! Скажи ему, что я невинна!

Он снова бросился на нее.

— Меня обманули! — Он схватился за горло. — Ты и твой отец обманули меня. Пусть берет тебя обратно. Пошла прочь!

Он потащил ее дальше. На склоне холма Тоньетта ухватилась за большой корень, и ее невозможно было оторвать.

— Разве я не жена твоя? — кричала она. — Твоя любящая жена!

В конце концов он ножом обрубил отростки корня и снова поволок ее за собой.

Наступило утро. Ни он, ни она не заметили, что их крики переположили всю деревню, люди смотрели из окон. У обоих глаза налились кровью, оба были точно слепые.

Старый Канталупи вышел на порог своего дома и, едва расслышав слова зятя, закричал дочери:

— Хорошо же ты меня ославила! А теперь ступай куда знаешь! — И он загородил вход руками. Эти руки были как железо, и Тоньетта, пытавшаяся проскользнуть в дверь, была отброшена назад.

— Клянусь, я невинна! — кричала она, подняв вверх два пальца. — О мадонна, о скажи им, что я невинна!

— Об этом договаривайся с мужем! — возразил ей отец.

Парни, толпившиеся вокруг, перешептывались. Женщины догадались, о чем они говорят, и одна из них громко сказала:

— Граф. Это верно. Еще в то воскресенье видали, как она выходила из его дома.

— Ты лжешь! — Тоньетта кинулась к ней, чтобы схватить за горло. Но девушка оттолкнула ее, вторая отбросила к следующей, и так она перелетала от одной к другой, не переставая кричать: «Вы лжете!» — пока одна из них, маленькая Лоренцина, обняла ее и шепнула:

— Бедняжка Тоньетта!

Тогда Тоньетта перестала бушевать и затихла. Сквозь пальцы, которыми она закрыла лицо, донесся только глубокий вздох. Сгорбившись и то и дело спотыкаясь, она прошла через толпу мужчин и мимо детей, провожавших ее свистом.

Все смотрели ей вслед. Но вот она открыла лицо. Ее босые ноги не тащились больше по пыльной тропе. Тоньетта быстро дошла до околицы и под лучами утреннего солнца накрыла голову юбкой, как делают обычно крестьянки, пускаясь в дальнюю дорогу.

— Видно, далеко собралась, — заметил кто-то.

Мужчины пожимали Маттео руку и жалели его. Он ответил:

— А что мне убиваться, лишь бы я спас свою честь. Меня прокормит и мое ремесло: ведь я сапожник.

Но старый Канталупи сказал:

— Что значит — сапожник? Не для того я отдал тебе усадьбу и дочь, чтобы потом взять то и другое обратно.

Так Маттео один вернулся в Кольбассо. Солнце стояло за холмом и сверкало так ослепительно, что он не узнал свой дом и испугался, точно тот исчез. Заметив, что ветер колеблет траву, он остановился: не слышно ли, как она колышется? Но нет, и этого не слышно.

В доме обе двери стояли настежь и сквозь них зияла пустота. Маттео он напомнил человеческое тело, насквозь пронзенное кинжалом.

Он прислонился к сараю и без сил опустился на землю. И тут, бесцельно глядя в голубую даль, он увидел бредущую по дороге фигурку. Она остановилась у большого черного камня—надгробного памятника Нерону,—пошатнулась и упала, как и сам он у сарая. И вдруг Маттео вскочил и погрозил ей кулаком, потому что и Тоньетта, обернувшись назад, угрожающе подняла руку.

II

Возчик Джоваконе из Кальто рассказал как-то в трактире, что в Риме на пьядца Монтанара видел Тоньетту. Он хорошо знал ее, уже двадцать лет он возил в город вино ее отца. Тоньетта шла по улице с мужчиной. Это был крестьянин, возможно, что из Сторкио, хотя Джоваконе не был в этом уверен. Встреча произошла уже с месяц назад, но, так как возчик давно не был в деревне, о ней узнали только теперь.

Когда об этом сообщили Маттео, он сказал, что это ложь, а на Бьяджо, сына Гаспаро, который стоял на своем, кинулся с кулаками. Их розняли, все стали уговаривать Маттео: какое ему дело до Тоньетты? Он был бледен и, бросив игру в кости, взял куртку и пошел домой.

На следующее утро к нему пришел его друг Микеле Латтуга. Он приехал на своей телеге из Рима и сказал Маттео, что должен серьезно потолковать с ним. Маттео

положил мотыгу, достал из плетеной корзины на спине лошади фьяску и передал ее другу.

Тот охотно приложился к ней.

— Ничто не мешает мне с чистой совестью пить твое вино,— сказал он,— потому что когда в Риме Тоньетта, твоя жена, позвала меня к себе, я, помня о нашей дружбе, отказался. Имей в виду, что не каждый поступает так и что Карлино из Монтемурло...

— Замолчи! — крикнул Маттео, закрыв руками уши.— Я хотел сказать,— поправился он,— что, раз она стала девкой, уже все равно — и ты мог взять ее, как и другие.

Микеле удивился и схватил Маттео за руку.

— Я не хотел огорчать тебя, друг, но, по совести сказать, и я не устоял. Ведь что ни говори, а она красивая женщина.

Маттео вдруг побагровел и стал шарить вокруг себя.

— Ты что? — спросил Микеле.

Рука Маттео попала в свежевспаханную землю. Он вздрогнул, потому что хотел схватить мотыгу. И вдруг засмеялся.

— Мне пришла в голову забавная мысль: а что, если Танкреди снова свидится с ней? Он думал обмануть меня, а вместо того сам остался в дураках и теперь делит ее с кем попало.

— Верно,— ответил Микеле,— возможно, граф уже встретил ее, потому что тоже был в Риме. Я видел, как он сгружал свой сыр на пьядца Монтанара. Он выехал сегодня в два часа дня и давно уже был бы здесь, если бы, как водится, не напился на вилле Котанья.

Маттео поднялся и показал на дорогу.

— Вот он!

— Того и гляди свалится в канаву,— заметил Микеле.— Сломает он себе шею!

— Это было бы жаль,— сказал Маттео,— мне надо поговорить с ним.

Он сунул руку в карман и пошел по дороге.

— А как же лошадь? — спросил Микеле.

— Никуда она не денется. Пойдем скорее.

Во дворе трактира стояла телега Танкреди, лошадь еще тяжело дышала от бега. Сам он уже вошел в

дом и сидел развалиясь и вытянув ноги в сапогах, покрытых засохшей грязью. В руке он держал нож, на столе перед ним стояла бутылка вина и лежала большая головка сыра. Танкреди рассказывал трактирщику и двум крестьянам, как ему удалось надуть в городе торговцев. Увидя в дверях Маттео, он насмешливо улыбнулся и расправил двумя пухлыми пальцами закрученные кверху усы. Сквозь грязную светлую бороду, в которой застряли крошки сыра, просвечивали красные оспины.

— Вы из Рима приехали? — сразу спросил Маттео и, держа руки в карманах брюк, подошел к столу.

— Снять шляпу, когда стоишь перед дворянином, — ответил Танкреди.

Он вставил монокль в свой заплывший от жира глаз. Маттео сорвал с себя шляпу и бросил на пол. Угрожающе сдвинув брови, он поклонился и сказал:

— Я больше не забуду этого, ваше сиятельство.

— То-то. А уж я, так и быть, передам тебе привет от жены.

— Вы видели ее?

— Видел! — Танкреди широко раскрыл рот, как будто хотел рассмеяться, но только молча, одного за другим, обвел присутствующих взглядом. Потом расстегнул пояс на животе и небрежно бросил: — Я спал с ней!

Все молчали. Слышно было только, как кто-то закрипел зубами. Маттео снова поклонился и сказал:

— Вы исполнили мое желание, ваше сиятельство, потому что, когда я прогнал Тоньетту, я хотел послать ее именно к вам.

— Премного обязан, но для дворянина она потеряла цену. Она запросила десять паоли, а я дал ей только четыре.

— Но вы ведь знали ее раньше... Вы-то знали ее до меня, не правда ли?..

— Откуда ты взял?

И Танкреди, запрокинув голову, вылил в рот содержимое стакана. Маттео подался вперед. Его глубоко запавшие глаза впились в лицо этого человека, губы раскрылись, точно его томила жажда.

Танкреди прищелкнул языком.

— Возьми-ка стул, и поговорим о твоей жене! Мне она нравится больше, чем тебе, и когда я в следующий раз буду в Риме, я, пожалуй, останусь ей верен.

Маттео сел и, пока тот говорил, двумя глотками осушил стакан вина, поданный ему трактирщиком.

— А теперь суди сам, насколько она мне нравится,— продолжал Танкреди.— Ведь у меня достаточно слуганок и я не нуждаюсь в городских женщинах.

Маттео отставил стакан.

— Вам надо взять Тоньетту к себе в услужение, ваше сиятельство.

— Зачем? В Риме она обходится мне дешевле.

Маттео не шевельнулся.

— Вам надо взять Тоньетту к себе в услужение, ваше сиятельство,— повторил он.

Танкреди хватил кулаком по столу.

— Пусть твоя жена наслаждается своей веселой жизнью. Хоть ты и простой крестьянин, я хочу рассказать тебе о других женщинах, которых знал...

Маттео не мешал ему говорить и все подливал себе вина. Вдруг он поймал себя на том, что сам смеется и рассказывает какие-то истории. Он говорил о своих приключениях на военной службе, выдавал любовные проделки товарищей за свои собственные, приукрашивал и изобретал. Постепенно лица присутствующих исчезли в тумане, и против него сидел еще только Танкреди, который пожимал ему руку и называл своим лучшим другом. Маттео почувствовал, что слезы сдавили ему горло, сердце восторженно забилося. Он превозносил перед Танкреди красоту Тоньетты, но говорил, что собственная честь для него дороже. Потом он спросил, как она была одета и был ли на ней желтый платок? Это его подарок. Где она живет?

— На виа де Мерли,— сказал Танкреди и подробно объяснил, как туда пройти. Он похвалил Тоньетту за приятное обхождение, рассказал и про ее комнату и про макароны, которыми она угостила его.

— Виа де Мерли...— повторил между тем Маттео.— А когда-то она была в Кольбассо; впрочем, одну только ночь.

Не хотите ли посмотреть этот дом? — И, так как Танкреди все пил, он стал торопить его: — Идемте же, ваше сиятельство! Наконец он вспомнил о бочонке старого вина, оставшемся у него после свадьбы, и это возымело действие. Шатаясь, вышли они из трактира. На улице Танкреди приободрился и, покачивая животом, подтянул повыше штаны. Маттео пришлось посадить его на телегу, а Танкреди затем втащил его за собой. Они ехали как придется и смеялись, когда телега накренялась набок и повисала над канавой.

Дома Маттео хотел снова завести разговор о Тоньетте, но Танкреди стал швырять стульями в стену и закричал, что ни о чем и слышать не хочет, пока не будет подано вино. Маттео принес вина и, опершись кулаками о стол, устремил на пьющего Танкреди взгляд, полный мучительного раздумья и страстной тоски.

— Она любила вас? — спросил он.

— Кто? Твоя жена? Почему бы и нет, я же мужчина, и я дал ей четыре паоли.

— А прежде? До меня?

— В жизни ее не видел, — отозвался Танкреди.

— Как! Не видели?

— Ты все еще думаешь об этой чепухе? Ну, раз твое вино мне понравилось, я уж открою тебе, что твою жену я знал не больше, чем любую девушку в деревне... Что ты вылупил глаза? Тебя обманули? Не ты первый, не ты последний!

Маттео спросил шепотом, — у него перехватило горло:

— Почему вы мне ничего не сказали?

— Не забывай, что говоришь с дворянином. Стану я заниматься сердечными делами какого-то крестьянского парня.

«Значит, все было понапрасну», — хотел сказать Маттео, но вместо этого так заскрежетал зубами, что Танкреди приподнялся со стула. Но он сразу же упал на него снова, и Маттео вынул руку из кармана.

— Ладно, а хоть бы вы и сказали! Ведь она была уже там, на виа де Мерли.

Он заломил руки.

— Бедная Тоньетта! Лучше бы она умерла! Лучше бы и мне не родиться на свет!

Снова очутился он у изгороди.

Напротив, под образом мадонны, стояла она, и вдруг жаркие лучи солнца сменил лунный свет. Сквозь листву олив к Тоньетте тянулся тонкий луч, дробясь на ее волосах серебряной пылью. Она обернулась, и они пошли друг другу навстречу. Маттео раскрыл объятья... Вдруг он споткнулся и упал лицом в траву.

Когда Маттео поднялся, уже стемнело. Голова была тяжела, тело сотрясал озноб. Мозг сверлила одна мысль:

«Что случилось? Боже милосердный, что случилось?»

Он задал корм лошадям и сказал:

— Господи, ты, конечно, не допустил бы, чтобы я ошибся в нашу брачную ночь. Ты не допустил бы этого, если бы она была невинна. Танкреди солгал, потому что он трус.

И вдруг все выпало у него из рук.

«Да, ты желал этого! Она была невинна, и в ту ночь нам обоим надо было умереть, потому что счастье было слишком велико. Для того и лежали цветы на нашей постели».

Он вошел в дом, словно цветы были еще там. Но вместо них на постели лежал Танкреди и храпел. Маттео схватил его и начал трясти.

— Вставайте! Ваша лошадь убежала!

— Пусть бежит! — буркнул Танкреди и повернулся на другой бок.

Маттео задыхался. Он закрыл уши руками, кругом звучали дикие голоса. Глаза его налились кровью: в объятьях Танкреди он увидел Тоньетту. Танкреди навалился на нее. С лихорадочной быстротой Маттео сунул руку в карман... и наконец вонзил нож — какое облегчение! — вонзил еще и еще...